

В. В. Слеженков, В. М. Шинкарук

ИДЕИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И «ГОСУДАРСТВА СПРАВЕДЛИВОСТИ» В КОНТЕКСТЕ СОЛИДАРИЗМА И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА ВО ФРАНЦИИ

Статья связана с анализом доктринального понимания государственного идеала в рамках классических политико-правовых идей солидаризма и институционализма во Франции в первой трети XX в. Авторами исследуется сущность соответствующих теоретических взглядов, раскрываются их дискуссионные аспекты, демонстрируется их влияние на развитие концепции правовой государственности.

Ключевые слова: правовое государство, гражданское общество, законность, справедливость, власть, легитимность, солидаризм, институционализм.

V. V. Slezhenkov, V. M. Shinkaruk

IDEAS OF A LEGAL STATE AND «A STATE OF JUSTICE» IN THE CONTEXT OF SOLIDARISM AND INSTITUTIONALISM IN FRANCE

The article is connected with the analysis of doctrinal understanding of the ideal model of a state within the framework of classic political and legal ideas of solidarism and institutionalism in France in the first third of the 20th century. The authors focus on the essence of the corresponding theoretical views, expound their disputing aspects, and demonstrate their influence on the legal conception development.

Keywords: legal state, civil society, legality, justice, power, legitimacy, solidarism, institutionalism.

Еще до формирования целостной позитивистской концепции правового государства во французской юриспруденции начали развиваться идеи солидаризма и институционализма, в рамках которых учение о правовой государственности было одним из главных аспектов. При сходной в ряде пунктов методологии с представителями юридического позитивизма, данные взгляды характеризовались иным отношением к государству с социальных, политических и моральных позиций, расширяя аналитический спектр за счет неюридических факторов, представляя попытку гармонизации индивидуалистических и коллективистских парадигм в новом формате. Острота доктринальных дискуссий авторов этих доктрин с представителями формально-юридических воззрений на правовое государство, теоретическая оригинальность мнений по ряду государственно-правовых проблем, многообразие

их практических следствий предопределяют актуальность анализа соответствующей тематики.

Учение солидаризма Л. Дюги (в 1907 г. он ввел во французскую доктрину понятие «правовое государство») выражало критику в отношении как позитивистского, так и юснатуралистского идеала государства, предполагая исключение понятия субъективного права из позитивной организации общества, в котором индивиды должны повиноваться социальной норме, основанной на факте солидарности, соединяющей людей в силу общих потребностей и разделения труда, обязывающей исполнить некую миссию и дающей власть совершать для этого определенные акты [1, с. 7]. Государство рассматривалось Л. Дюги как общество, достигшее известной степени политической дифференциации управляющих и управляемых, а власть — в качестве представляющей факт существования наибольшей силы, законной и обязательной лишь

при соответствии верховной социальной норме [2, с. 26]. Право, по мнению ученого, возвышается над государством, представляющим силу, отданную на служение ему, нацеленную на его реализацию для содействия солидарности [2, с. 57]. Такая позиция обусловила переосмысление концепции «государства законности» и позитивистской версии правового государства.

Л. Дюги отмечал, что французская индивидуалистическая традиция правового ограничения основывается на идее обязательности для государства охраны естественных прав и недопустимости принятия законов в ущерб им, возлагая лишь «негативные» обязанности, но не «позитивный» долг издания законов, обеспечивающих осуществление естественных прав. Более того, в рамках индивидуализма не может получить прочное обоснование значимость социально-экономических функций государства, его вмешательства в целях справедливого перераспределения материальных благ. Оппонентом мыслителя в этом вопросе выступал А. Мишель, обосновывавший идею содержательного индивидуализма, в котором нет противопоставления интересов личности, приоритета естественного права и социально ориентированного государства [3, с. 89]. Л. Дюги, однако, отрицал действенность подобной концепции в силу априорности, метафизичности естественно-право-вых категорий, неспособных стать «основанием для позитивной политической системы» [1, с. 8].

Другим уязвимым пунктом индивидуализма, согласно мнению Л. Дюги, является невозможность обуздать государство, способное ограничить право каждого в общих интересах и самостоятельно определяющее границы своих действий в стремлении к захвату индивидуальных прав (в частности, исследователь приводит в качестве негативных практических примеров таких действий законы о безопасности Второй империи, допускавшие депортацию по административному усмотрению, закон об уступке полномочий Третьей республики, лимитировавший возможности уголовно-процессуального обжалования в период рассмотрения дела А.

Дрейфуса) [1, с. 17]. Теоретик подчеркивает, что с утверждением идей «государства законности» нация, или демократическое большинство, «выражающее ее мнимую волю», получили власть, способную превратиться в тиранию, вероятность которой возрастает в условиях парламентского контроля законности и приоритета революционной концепции закона как выражения общей воли, имеющей трансцендентную силу [2, с. 25]. Наконец, индивидуализм не разрешает противоречия права, дающего пролетариату политическую власть, и экономического режима, делающего его наемником капитала, что создает опасность революции [1, с. 20].

Стремясь решить указанные проблемы, Л. Дюги отмечает, что современное государство должно быть правовым, что подразумевает обязанность создавать одни нормы и не создавать другие, действовать в рамках законности, означающей обязанность действовать в границах, установленных законом, ответственность государства за ущерб, причиненный правоприменением [2, с. 37], его подсудность собственным судам. Новый государственный строй, по мнению мыслителя, будет основываться на концепции социальной нормы и синдикальном федерализме.

Ограничение государства правом, в связи с этим, базируется на том, что последнее получает силу при соответствии социальной солидарности, и ему подчинено не абстрактное государство, а индивиды, обладающие властью, обязанные воздерживаться от актов, нарушающих солидарность и применять силу в ее защиту. Ученый предусматривает ряд гарантий этого: следование «иерархии норм» (в отличие от позитивистов, Л. Дюги считал высшей нормой не Конституцию, а Декларацию прав 1789 г., являющую «норму солидарности, предшествующую нынешнему государственному строю») [2, с. 690]; наличие судебного конституционного контроля, возможного в форме трибунала из представителей всех классов [1, с. 24]; утверждение координации властей, при котором их конфликты будут разрешаться апелляцией к избирателям.

Идея синдикального федерализма содержит социально-политические гарантии правовой государственности, предполагая участие во власти не только партий, но и классов, организованных в синдикаты, т. е. формирование представительства интересов действительного большинства индивидов, способствующее подъему уровня общей культуры и саморегулированию классовых отношений, уменьшению объема функций правительства [1, с. 46].

Наконец, идеальное государство видится Л. Дюги социальным, обязанным обеспечивать материальную и моральную возможность содействия солидарности в виде социальной помощи, установления обязанности труда, гарантирования права на образование [4, р. 673]. Реализация изложенных гарантий позволила бы, по его мнению, гармонизировать отношения власти и населения, избавив общество от опасности как «тирании большинства», так и революции.

Идеи правовой государственности, сформулированные Л. Дюги, также получили развитие в рамках солидаризма в творчестве Г. Жеза, полагавшего, что все в обществе сводится к социальной солидарности — такой, как она понята в данной стране в конкретную эпоху, но, в отличие от Л. Дюги, сохраняющего аксиологический нейтралитет по отношению к правовым нормам, подчеркивающего их независимость от субъективной оценки. Средством гармонизации нормотворчества и массовых ожиданий Г. Жез видит необходимость ориентации законодателя на условия экономической, политической, социальной среды (в то же время право должно абстрагироваться от политического влияния), — без этого право станет неприменимым, что приведет к его смене реформистским или революционным путем [5].

Г. Жез рассматривает государство как публичную службу, упорядоченную совокупность процедур (юридических, финансовых, экономических и т. д.) технического характера [5]. Соответственно, теоретик критикует строй Третьей республики, как основанный на «мифической» концепции общей воли [6, р. 174];

по его мнению, необходимо дать концепции государства более рациональное объяснение, предполагающее общественное согласие на действия власти. Прерогативы последней должны быть ограничены не абстрактными принципами, нарушаемыми на практике [7, р. 14], а объективно — утверждением социального долга, общественной пользы государства, как публичной службы, основанного на иерархии позитивных норм (во главе с конституцией) и развитом институциональном контроле (в форме административной и конституционной юстиции), а не на «надправовой» идее солидарности — она является приоритетной для общества и государства, но должна иметь обязательное нормативное отражение [5].

Таким образом, концепция Г. Жеза является более строгой в сравнении с идеями Л. Дюги, ориентируясь на практические следствия государственного функционирования и предлагая оптимизацию правовой связанности власти в данном контексте. Подобное абстрагирование от аксиологических оценок права (развиваемое далее Ж. Сселлем, подчеркивающим, что позитивное право есть наилучшее выражение публичного блага; социальное принуждение является результатом «естественных законов», а поскольку для социума солидарность выступает естественным императивом, всякое общество является правовым [8, с. 99] — что позволяет провести определенную параллель с нормативистским пониманием правового государства [9, с. 146]) обусловило не только обоснование ряда позитивных гарантий и смягчение критики существующих институтов, но и возможность адаптации Р. Боннаром и Ж. Бартеlemi «формальной» концепции правового государства к реалиям авторитарного режима Виши [10, р. 141].

Идеи правовой государственности, представленные М. Ориу в рамках институционализма, напротив, характеризовались большим влиянием идеалистических принципов. Так, исследователь полагал, что государство является централизацией нации в целях установления для нее гражданского режима как посредством ее организации в корпоративное лицо, так и благодаря

деятельности суверенной власти, действию единого законодательства и верховенству соответствующего конституционного статута [11, р. 15], представляет корпорацию, ставшую реализацией идей защиты публичной властью национального гражданского общества, осуществляемой в определенных территориальных рамках [12, р. 98]. Общество и государство, согласно учению М. Ориу, основываются на функционировании естественно складывающихся институтов, для чего, с одной стороны, формируется соответствующая власть, наделяющая институт органами, а с другой, — происходит единение членов социальной группы. Государственный режим нацелен на установление и поддержание гражданского режима, обуславливающего существование государства, ситуацию, при которой произошло отделение частной жизни от публичной, сопровождаемое корпоративным устройством. В связи с этим М. Ориу полагает, что тоталитарное государство нельзя считать государством, поскольку в его рамках естественного разделения публичной и частной сфер не происходит [13, с. 178]; государство должно быть либеральным, опираясь на совокупность норм, монополией на принятие которых оно обладает, и конституцию, воплощающую суверенную нацию, защищая индивидуальные интересы.

Основываясь на изложенном, М. Ориу формулирует концепцию «государства справедливости», основанную на равновесии между государством и обществом, определяемом функционированием правовой системы, нацеленной на претворение в жизнь идеи справедливости, реализуемой через внимание к человеку и защиту его свободы (в данном контексте М. Ориу употребляет также термин «правовое государство, однако это остается частным случаем) [14]. Идеальное государство, согласно взглядам ученого, должно учитывать в своей деятельности как требования консервативных сил, выступающих за порядок, так и влияние революционных, желающих большей свободы, оценивая те и другие с точки зрения справедливости, поддерживая социальный мир. Любой социальный порядок содержит

справедливость, так как сложился с общего согласия, но находится с ней и в конфликте, поскольку какая-то доля справедливости в нем не заложена, в связи с чем общество стремится к прогрессу, а отказ от этого приводит к революции, устанавливающей новое равновесие. М. Ориу заключает, что справедливость отделима от порядка, а правовая деятельность государства должна их сближать [13, с. 182]. Государство, как политический институт, от имени которого власти отдают распоряжения, должен опираться на согласие управляемых, быть легитимным (в этом заключена разница между фактическим и правовым правлением), что достигается как влиянием традиции, исторической преемственностью, так и созданием новых жизнеспособных институтов — любые правовые нормы имеют значение в контексте юридической связанности власти только потому, что являются органическими статутами, учреждающими их.

Переходя к анализу путей достижения данной легитимации, М. Ориу подвергает критике легицентризм Третьей республики, подчеркивая, что истинно представительным является лишь режим, при котором организация власти позволяет социальным институтам выражать волю сообщества, частью которого они являются, а закон приобретает правовой характер с течением времени и с одобрения общества, воля которого отделяется от парламентской, не представляющей никого, кроме самой себя [13, с. 183]. В результате для исправления ситуации им предлагается обеспечение свободных выборов и политического плюрализма, утверждение верховенства конституции как средства властного равновесия (для чего необходимо установление конституционного контроля; вместе с тем теоретик употребляет и термин «социальная конституция» применительно к принципам Декларации прав 1789 г.), изменение баланса властей в плане усиления исполнительной и ослабления законодательной, стимулирование социальных инициатив, поскольку без развитого гражданского общества государство не может быть сильным и справедливым [14].

Таким образом, солидаристские и институционалистские концепции представили реакцию на противоречивый характер государственных идеалов, выработанных в рамках классического индивидуализма, социализма и позитивизма, как не выражающих объективных оснований легитимации права и связанности государства последним либо необоснованно формализующих их. В результате в контексте рассмотренных учений была продолжена традиция исследования государства с общесоциальных позиций, составившая фундамент для самостоятельного вектора развития понимания правовой государственности.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Особенностью солидаризма, прежде всего, являлось отрицание идей юридической личности и суверенитета государства, неосновательно абсолютизирующих его понимание, а также априорность естественно-правовых категорий, с акцентированием внимания на объективных аспектах его сущности социального характера (общество, в котором существует политическая власть, объясняемая фактом наличия наибольшей силы и особенностями волеизъявления правящих, соответствующая в идеале верховной социальной норме).

2. Основой существования государства, консолидации воли управляющих и управляемых в свете солидаристских взглядов выступает наличие социальной нормы, обусловленной всеобщей взаимозависимостью, обязывающей государство, как в «негативном», так и в «позитивном» смысле, что определяет его нацеленность не на утверждение власти, доминирования, а на всеобщее сотрудничество, реализацию права для содействия солидарности.

3. Правовое государство предполагает, с точки зрения солидаристов, осознание социальной солидарности, расширение участия граждан во власти на основе ассоциативного принципа, достижимое на современном этапе развития социума и опирающееся на систему юридических, политических, социальных, духовно-культурных гарантий, придающих государству легитимность в массовом сознании, позволяющих

достичь общественного консенсуса, обеспечить каждому право на достойное существование.

4. Солидаристские концепции, представленные Л. Дюги и Г. Жезом, несмотря на единство отношения к солидарности как основе государства и стремление к объективации государственно-правовых реалий, различаются вследствие аксиологической нейтральности восприятия последней права, большей формализации ее сущности государства (отождествляемого с публичной службой, совокупностью процедур) и преимущественно инструментальным подходом к гарантиям юридической лимитации власти.

5. Специфика понимания государства в рамках институционализма заключена, преимущественно, в его отождествлении с корпоративным лицом, институтом, представляющим централизацию нации на основе естественно складывающегося сочетания власти и социального согласия, целью и смыслом существования которого выступает реализация общезначимой идеи справедливости, предопределяющая упорядоченность дифференциации элементов публичной и частной жизни и утверждение гражданского режима.

6. Первоочередным условием правового характера и устойчивого развития государства в контексте институционализма является достижение его равновесия с обществом на основе гармонизации присутствующих в последнем начал порядка (олицетворяющего уровень достигнутой справедливости) и прогресса (стремления к еще большей справедливости) в целях оптимальной защиты как индивидуальных, так и коллективных прав и интересов.

7. Важнейшие тезисы институционализма в плане развития аксиологического подхода к правовой государственности — отрицание государственной сущности тоталитарного политического режима, как неспособного обеспечить социальное согласие, легитимацию власти и автономию частной сферы, нарушающего естественное развитие социальных институтов, а также постановка правового качества закона в зависимость от одобрения обществом и адекватности отражения его институционального деления.

Список библиографических ссылок

1. Дюги Л. Общество, личность и государство. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства / пер. с фр. А. Бэтта. СПб., 1914.
2. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908.
3. Мишель А. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времен революции / пер. с фр. М., 2008.
4. Viala A. La notion d'Etat de droit: L'histoire d'un défi à la science juridique // *Revue européenne de droit public*. 2001. P. 673—691.
5. Maslarski D. La conception de l'État de Gaston Jéze [Электронный ресурс]. URL: <http://www.juspoliticum.com/La-conception-de-l-Etat-de-Gaston.html> (дата обращения: 03.10.2010).
6. Jéze G. Le dogme de la volonté nationale et la technique politique. *Revue du droit public*. 1927. № 2. P. 165—176.
7. Jéze G. Les principes généraux du droit administrative. Т. 1. Paris, Edit. Berger-Levrault, 1904.
8. Луковская Д. И. О методологии французской позитивно-социологической школы права // *Правоведение*. 1967. № 6. С. 91—100.
9. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: сб. пер. Вып. 2 / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Разумович. М., 1988.
10. Baruch M. O. Vichy and the Rule of Law // *Bulletin du Centre de recherche français de Jerusalem*. 2000. № 6. P. 141—156.
11. Hauriou M. Principes de droit public: à l'usage des étudiants en licence et en doctorat és-sciences politiques. 2e éd. Paris, Sirey, 1916.
12. Hauriou M. Aux sources du droit: le pouvoir, l'ordre et la liberté. Paris, Librairie Bloud et Gay, 1933.
13. Беше-Головко К. Морис Ориу: междисциплинарный подход на службе динамической концепции права // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2008. № 6. С. 174—187.
14. Foulquier N. Maurice Hauriou, constitutionnaliste [Электронный ресурс]. URL: <http://www.juspoliticum.com/Maurice-Hauriou.html> (дата обращения: 13.06.2010).